

ЦЕРКОВЬ И НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Сопоставляя эти два понятія, мы сознательно нарушаемъ добрый схоластическій обычай и не даемъ ихъ опредѣленій, беря ихъ въ самомъ общепринятомъ и ортодоксальномъ смыслѣ. Гораздо важнѣе условиться о той плоскости, въ которой будутъ сопоставляться эти идеи. Для даннаго вопроса такихъ плоскостей двѣ. Одна догматико-мистическая, и другая практическая, тактическая.

1.

Съ догматико-мистической точки зрѣнія поставленный вопросъ есть только частный моментъ общаго великаго вопроса объ отношеніи церкви къ человѣческой исторіи и культурному творчеству. Какъ это ни странно, послѣ двухтысячелѣтней исторіи христіанства, вопросъ этотъ, несмотря на его великость и жизненную важность съ нашей точки зрѣнія, до сихъ поръ не нашель своего соборнаго разрѣшенія въ Церкви. Не нашель, потому что и не былъ церковно поставленъ. Не былъ поставленъ, потому что не былъ осознанъ. И до сихъ поръ съ трудомъ поддается уясненію, какъ именно вопросъ церковно неразъясненный. Большинству онъ кажется просто несущестующимъ по своей будто бы догматической элементарности. Онъ обычно считается будто бы ясно предрѣшеннымъ всей христіанской догматикой и является простымъ выводомъ изъ общеизвѣстнаго церковнаго ученія. Такъ подходитъ къ вопросу большинство богословскихъ писателей во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ. Вопросъ, хотя и признается труднымъ и сложнымъ, но все таки не трагическимъ, не такимъ, ради рѣшенія котораго нужно было бы желать вселенскаго собора. Для православнаго же сознанія онъ именно таковъ. Между тѣмъ

прежніе пути къ его постановкѣ и прежнія соборныя средства отсутствуютъ. Время всенародныхъ вселенскихъ переживаній церковныхъ вопросовъ миновало. Не только христіанскія массы, но и знающіе всѣ тайны догматики іерархи и богословы привыкли думать, что впредь въ области вѣроученія можно вполнѣ обойтись накопленнымъ наслѣдствомъ догматическихъ опредѣленій древняго христіанства и все рѣшать только путемъ богословскихъ выводовъ и практическихъ примѣненій завѣщаннаго отцами. И дѣйствительно, нельзя искусственно воскрешать психологію минувшихъ вселенскихъ эпохъ. Фальшиво было бы механически имитировать то, чего нѣтъ. А въ новое время дѣйствительно нѣтъ той связи въ умахъ и сердцахъ христіанскаго человечества догматовъ церкви съ важнѣйшими и центральными проблемами общей культуры. Когда спорили въ пятомъ и шестомъ вѣкѣхъ объ одной или двухъ природахъ во Христѣ, то этимъ поглащались всѣ высшіе интересы лучшихъ умовъ и сердецъ тогдашняго человечества. Сверхъ этихъ споровъ не существовало никакихъ другихъ, равныхъ имъ по величинѣ и универсальности запросовъ. Этими спорами исчерпывался весь смыслъ духовной культуры того времени. Теперь господствующая секуляризованная культура считаетъ вершинными и самыми важными свои собственныя проблемы и въ ихъ діалектику вовлекаетъ и ей покоряетъ, сумарно говоря, все человечество. Церковно-догматическіе вопросы скромно протекаютъ въ узкомъ руслѣ вѣрующаго меньшинства и переживаются, какъ вопросы не универсальныя, а спеціальныя, почти что кружковые и индивидуальныя. Объ нихъ спорятъ и пишутъ специалисты богословы, часто при полномъ невѣдѣніи и равнодушной незаинтересованности вѣрующаго народа. И даже ереси и неправомысліе отдѣльныхъ богослововъ почти не волнуютъ и не задѣваютъ массъ. Нѣтъ той соборной, цѣльной, вселенской жизни въ самомъ христіанствѣ, при наличности которой только и возможно было сравнительно быстрое и именно соборно-вселенское раскрытіе и развитіе догматическаго ученія. Сама біологія догматической жизни церкви приняла теперь новую форму, форму невосприимчивости къ новымъ вопросамъ. Эти вопросы живутъ и рѣшаются анархически, индивидуалистически, внѣ всякой церкви, въ атмосферѣ свѣтской, безрелигіозной культуры. Благодаря этому дуализму въ умственной и духовной жизни новаго человѣка, притупляется и даже совершенно снимается въ соз-

наніи даже самихъ христіанъ, даже самихъ богослововъ, трагизмъ многихъ, въ сущности христіанскихъ вопросовъ. То, что было трагично для древняго христіанства, то что было для него вопросомъ вѣчнаго спасенія или вѣчной гибели, то для современнаго намъ христіанина упрощается и облегчается его глубокимъ раздвоеніемъ въ области умственнаго сознанія. Не находя немедленнаго отклика на свои запросы отъ соборно-молчащей церкви, онъ привычнымъ экскурсомъ въ область своего свѣтски-культурнаго мышленія утоляетъ свою жажду свободными исканіями и результаты ихъ посильно согласуетъ въ нѣкоторой личной, почти не интересующей церковь, религіозно-философской системѣ. Своего рода двойная бухгалтерія, безкровливающая и обезсиливающая церковное соборное творчество.

И такъ какъ западныя христіанскія вѣроисповѣданія глубоко связаны съ культурой гуманизма, то вмѣстѣ съ секуляризацией гуманизма въ новое время, они въ ихъ богословскомъ творствѣ наиболѣе подвержены этой болѣзни раздвоенія и потерѣ чувствительности къ трагизму вопроса о взаимоотношеніи церкви и земной культуры. Они пріемлютъ интересы культуры, права, государства, націи, какъ что-то имъ близкое, безспорное. Внѣгуманистическое восточное православное міроощущеніе съ несравненно большей остротой переживаетъ трагизмъ этого вопроса, трагизмъ «непріятія міра». Православное сознаніе и мистика православнаго благочестія глубоко и существенно аскетичны. Духъ палестинскаго, апостольскаго, эсхатологическаго, оторваннаго отъ интересовъ исторіи, христіанства, возрожденный въ духѣ монашеской аскезы, до сего дня господствуетъ въ сердцѣ православія. Вся многовѣковая національно-политическая сраженность православныхъ церквей съ государствами византійскаго плана не потрясла этого интимнаго внѣ историзма православія. Его богословское сознаніе на вопросъ о смыслѣ исторической жизни христіанскихъ націй отвѣтило упрощенно эсхатологически; — встрѣтитъ уже наступающія послѣднія времена въ бронѣ вѣрности отеческому, законченному, совершенному православію. Такова философія исторіи византійскихъ хронографовъ, еще не замѣненная въ наше время никакимъ другимъ соборно общепризнаннымъ взглядомъ. Практически, конечно, подавляющее большинство восточныхъ христіанъ въ новое время такъ не думаетъ и съ такой психологіей не живетъ. Но эта утрата эсхатологическаго аскетизма праот-

цевъ не есть еще свидѣтельство замѣны ея какимъ то новымъ, освященнымъ Церковью отвѣтомъ. Наиболѣе строгіе про-сто назовуть это обмірщениемъ и падениемъ.

Такому радикальному аскетизму православія какъ будто не соотвѣтствуетъ фактически его внѣшняя исторія, какъ въ-роисповѣданія преимущественно, до языческой наив-ности, связаннаго съ жизнью отдѣльныхъ націй, государствъ и культуръ. Объясняется это не положительнымъ вдохнове-ниемъ православной мистики и православно-аскетическаго благочестія по отношенію къ задачамъ земной исторіи чело-вѣчества, а своеобразной слабостью и беззащитностью аскетизма какъ такового во всѣхъ его формахъ. Въ христіанскомъ аскетизмѣ есть свой моментъ непротив-ленія злу насиліемъ. Отсюда, затрачивая всю силу ду-ховной борьбы съ грѣшнымъ міромъ на оборону своей души отъ нападеній грѣха, на подвигъ пассивнаго терпѣнія и стра-данія, аскетизмъ отказывается отъ активнаго участія въ дѣлахъ міра сего; онъ принимаетъ ихъ, какъ фактъ внѣшней необхо-димости въ томъ видѣ, какъ устраиваютъ ихъ поврежденные грѣхомъ законы природы и мірская грѣшная воля людей. Утѣшеніемъ аскету въ этомъ пріятіи служитъ крещеніе и пе-чатъ христіанства, воспринятая націями и государствами. При этомъ условіи, ихъ грѣшное земное національное бытіе получаетъ идеаль и надежду, какъ и всякій индивидуальный грѣшникъ, стряхнуть съ себя, въ путяхъ покаянія и аскезы, бремя грѣха, освободиться отъ тлѣнія и приблизиться къ гра-ни царства неземнаго, неплотскаго, а уже небеснаго, духов-наго.

Такова логика аскетизма, въ ея будничномъ, прозаиче-скомъ историческомъ существованіи, создающая типичное для православныхъ церквей пассивное примиреніе со всѣми наличными мѣстными національными режимами и даже порабощеніе ими. Получается фактической компро-миссъ, который кажется привычному большинству какъ бы достаточно мотивированнымъ право-славной догмой и мистикой. Между тѣмъ для богословскаго сознанія не дано никакой ясной мотивировки такого ком-промисса. Не формулирована даже законная и умѣстная въ догматахъ антиномія. Мы стоимъ здѣсь просто предъ обна-женнымъ и непримиреннымъ противорѣчіемъ. За-чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, аскетической церкви физическое раз-множеніе чело-вѣчества или даннаго народа, умноженіе его благосостоянія и развитіе его національной культуры, если лицо ея напряженно обращено къ приближающемуся апо-калипсису, къ концу и безъ того затянувшася времени? Зачѣмъ заполнять это время какими то повторяющимися,

несовершенными человѣческими усиліями къ построению столь непрочнаго земнаго града, несклоннаго идти по путямъ царства Божія, а скорѣе возрастающаго во враждѣ къ нему? Такъ слагается в н у т р е н н і й п а р а д о к с ъ отношеній православной Церкви къ интересамъ національной жизни; при трагической аскетической предпосылкѣ — безтрагичное, пассивное сожителство съ національными интересами. При этомъ простая естественная психологія съ преобладаніемъ въ ней, выражаясь библейскимъ языкомъ, «плоти и крови», легко рождаетъ господствующій типъ церковнаго націонализма и оправданія узкихъ, мѣстныхъ политикъ благословеніями церкви. вмѣсто трагической требовательности, предъявленной аскетической церковью къ язычески натуральной сферѣ национальныхъ мотивовъ и страстей, мы являемся зрителями не только церковной снисходительности и терпимости къ морально несовершеннымъ путямъ національной политики, но и прямого имъ услуженія, вплоть до соблазнительнаго оппортунизма и сервилизма. Мы не морализуемъ по поводу какихъ то случайныхъ частныхъ, мы имѣемъ въ виду фатальное послѣдствіе догматико-мистической неясности директивъ церкви въ области коллективныхъ взаимоотношеній человѣчества. Аскеза, какъ единственная норма личной духовной жизни православнаго христіанина, не даетъ ясной директивы: какъ вести себя всей церкви въ сферѣ общественной? И трудно ждать измѣненія этого тягостнаго положенія при отсутствіи общецерковнаго осознанія его трагичности, при почти фаталистическомъ сознаніи: такъ было, такъ будетъ и иначе быть не можетъ...

Но если такъ неподвижно сознаніе официальной церкви, то о какомъ же трагизмѣ православнаго міроощущенія въ данномъ вопросѣ мы говорили? Во-первыхъ трагизмъ вытекаетъ внутренне-логически изъ аскетической догмы, мистики и благочестія православія и, во-вторыхъ, я констатирую нарастаніе этой трагичности сознанія въ богословской мысли православія въ новое время, по крайней мѣрѣ въ лонѣ русскаго православія. Мы русскіе христіане и богословы обязуемся свидѣтельствовать предъ всѣмъ міромъ, что наше сознаніе, не индивидуальное, а всенародно-коллективное болѣетъ муками рожденія новаго, или если угодно, обновленнаго рѣшенія вопроса о христіанскомъ смыслѣ земной исторіи человѣчества и въ частности національныхъ формъ его жизни. Однихъ усилій отдѣльныхъ богословскихъ мыслителей и писателей намъ мало. Намъ нуженъ голосъ самой церкви. Если будутъ молчать и не понимать насъ наши восточные

собратья, то мы ихъ разбудимъ и потребуемъ вмѣстѣ съ нами общецерковно, соборно рѣшить вопросъ, нерѣшенный нашими праотцами.

Теоретически намъ ясенъ положительный, оптимистическій исходъ въ рѣшеніи догматическаго вопроса объ отношеніи церкви къ земному устроенію человѣчества. Догматъ о Богочеловѣкѣ, формулированный со времени III и IV Вселенскихъ соборовъ, въ его антиномической полнотѣ есть тотъ золотой ключъ, которымъ предъ церковью открываются всѣ секреты трактуемаго нами вопроса. Догматическая мысль можетъ двигаться при помощи этого чудеснаго компаса въ страшныя дали за предѣлы рационально-человѣческіе. Но практическая мистика и духъ благочестія православной церкви не объщаютъ быть столь широкими, подвижными и способными къ обновленію. Въ этотъ тонъ православія и упирается вся трагичность выдвигаемаго вопроса.

II.

Но кромѣ глубинъ догматики и мистики, внѣ которыхъ не можетъ протекать полное и плодотворное рѣшеніе никакихъ христіанскихъ вопросовъ, всетаки существуетъ условно нами отдѣляемая въ теоріи и фактически существующая какъ бы въ отдѣльности отъ своихъ догматическихъ корней ежедневная, конкретная практика взаимоотношеній церковей и національной жизни, гдѣ приходится дѣйствовать церковнымъ силамъ по инерціи и практическимъ инстинктомъ рѣшать вопросы частично, примѣнительно къ обстоятельствамъ даннаго времени и даннаго мѣста. Въ этомъ порядкѣ вопросъ предносится предъ каждымъ богословскимъ мыслителемъ, предъ каждымъ церковнымъ дѣятелемъ всегда конкретно. Неизбѣжно умѣть его рѣшать такъ сказать на короткѣ, безъ осложненій догматическими трагедіями. Разумѣю прагматическую, современную постановку вопроса о Церкви и національной жизни. Къ чему сводится она въ текущую минуту? Въ чемъ ея острота для насъ въ современности? Каково должно быть въ наши дни правило тактическаго поведенія въ этомъ вопросѣ? Изъ области догматики переводимъ вопросъ въ область тактики.

Примемъ за религіозно-метафизическую предпосылку всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ оцѣнокъ общую формулу, понятную для всѣхъ разновидностей христіанства. А именно, что церковь должна относиться къ цѣнностямъ національной

жизни по азбучной аналогіи первенства духа надъ плотью. Все для христіанства на второмъ мѣстѣ послѣ тайнъ божественнаго откровенія и цѣлей царства Божія. Всѣ другія цѣнности второстепенны и подчинены жизни духовной, божественной, хранимой церковью. Цѣнности меньшія, относительныя противостоятъ цѣнности большей, абсолютной. Цѣнность національнаго начала безспорная, какъ и цѣнность самоутвержденія отдѣльной личности, суть цѣнности относительныя, легко вырождающіяся въ грѣховный эгоизмъ. Они находятъ свое оправданіе въ соподчиненіи ихъ руководству мѣрилъ абсолютныхъ, мѣрилъ церкви. Съ этой точки зрѣнія цѣнности относительныя неустойчивы. Предъ судомъ церкви онѣ могутъ превращаться въ величины отрицательныя. И личный, натуральный эгоизмъ и національное самоутвержденіе могутъ изъ относительнаго блага превращаться, благодаря своей обратной оріентаціи въ сторону отъ христіанства, въ злое язычество.

Что мы видимъ въ дѣйствительности текущаго дня? Безвозвратно минули тѣ патріархальныя времена, когда національная жизнь народа расцвѣтала и процвѣтала подъ добрымъ вліяніемъ церкви. XIX-й, особенно XX в. — вѣка новаго, бурнаго расцвѣта національныхъ энтузіазмовъ, но въ секулярномъ, лаическомъ и часто прямо антихристіанскомъ духѣ. Новѣйшій пагосъ самоутвержденія всѣхъ малыхъ націй не только въ Европѣ, но и на всѣхъ материкахъ, особенно съ прибавкой яда коммунистической агитаціи, опредѣленно безбожной, уже совершенно чуждается христіанства и Церкви, является націонализмомъ языческимъ. Языческій по существу націонализмъ XIX в. у великихъ европейскихъ націй еще носилъ характеръ нейтральности въ отношеніи къ церкви и былъ антиклерикальнымъ и антицерковнымъ лишь въ мѣру своихъ практическихъ и тактическихъ столкновеній съ организованными силами церкви. Культуркампфъ и отдѣленіе церквей отъ государствъ, вмѣстѣ съ секуляризацией церковныхъ имуществъ и школы, — вотъ лозунги лаическаго націонализма XIX в. Въ XX в. мы видимъ довольно неожиданное сгущеніе этого антихристіанскаго лаическаго духа въ нѣкій родъ язычества религиознаго, съ своего рода мистикой, полярной въ отношеніи къ христіанству. Таковъ германскій расизмъ съ его воскрешеніемъ религіи Тора, Одина и Вотана и итальянскій фашизмъ съ его истерически искусственнымъ идолопоклонствомъ предъ государствомъ и Римомъ физическимъ. Если церковь въ конфликтахъ XIX вѣка должна была до нѣкоторой степени правильно, во имя возстановленія внѣшней справедливости, поступиться предъ свѣтскимъ государствомъ своими унаслѣдованными отъ преж-

няго времени внѣшними правовыми и матеріальными привилегіями и въ общемъ съ достоинствомъ потерять ихъ, возмѣстивъ свое вліяніе на духъ народовъ своими специфически-духовными средствами, то здѣсь, предъ этимъ грубымъ и уже духовно-воинствующимъ націонализмомъ въ духъ расизма и фашизма, церковь не имѣетъ н и к а к и х ъ о с н о в а н і й для благородной уступчивости. Съ этимъ демоническимъ и извращеннымъ націонализмомъ она вынуждена вести напряженную, по меньшей мѣрѣ оборонительную войну. Папскій Римъ, надо отдать ему справедливость, не продалъ своего достоинства за милости конкордата Муссолини, и въ вопросѣ школьномъ, брачномъ, вообще національномъ безотлагательно заявилъ свою непримиримость и одержалъ значительную побѣду. Этотъ случай Ватиканъ-Муссолини очень показателенъ для предстоящихъ задачъ Церкви въ ея отношеніяхъ къ национальной жизни. П о в и д и м о м у к о н ч а ю т с я в р е м е н а , когда церковь, какъ любящая воспитательница, опекала и культивировала покорный ей или кротко-нейтральный паѳосъ национальной жизни. Питомецъ изъ ягненка, оказывается, можетъ превращаться въ опаснаго волка, и прежнія отношенія съ нимъ приходится мѣнять. Изъ бѣсноватаго силами церковнаго экзорцизма н у ж н о и з г о н я т ь д е м о н о в ъ . Таковъ можетъ быть кризисъ и всей культуры ближайшаго будущаго. Отъ идеалистическаго антиклерикализма и прѣсной нейтральности XIX вѣка, она, кажется, идетъ къ матерьялистической демонизаціи.

Но вотъ тактическое затрудненіе для церкви. Продолжая, гдѣ еще возможно, свое любовно педагогическое воздѣйствіе на национальную жизнь, Церковь, въ неизбѣжной борьбѣ съ новѣйшимъ зоологическимъ антирелигіознымъ націонализмомъ, какъ будто имѣетъ уже и готовыхъ союзниковъ въ лицѣ ряда политическихъ и культурныхъ идеологій, также возстающихъ противъ новѣйшихъ обостреній націонализма. Таковы остатки космополитизма прошлаго вѣка, интернационализмъ науки, промышленности и сомнительный интернационализмъ социалистическихъ партій. Всѣ эти теченія возвышаютъ голосъ противъ расизма и фашизма и могутъ недалевиднымъ христіанамъ показаться союзниками на единомъ фронтѣ. О п а с н о ц е р к в и поддаться этой иллюзіи и связаться въ чемъ либо съ этими чуждыми попутчиками. Въ чемъ цѣль этихъ нехристіанскихъ интернационалистовъ нашего времени? Оставимъ въ сторонѣ наиболѣе старомодныхъ и отвлеченныхъ изъ нихъ. Въ ихъ средѣ движущую силу составляютъ, конечно, идеологи, дышущіе ненавистью къ национальному началу въ корнѣ. Имъ желательно совсѣмъ убить это начало въ человѣческомъ родѣ. Это идеологи стерилизаціи и нивеллиров-

ки человеческого типа на землѣ, которымъ не только не дорого, но прямо ненавистно личное, свободолюбивое разнообразіе человеческихъ типовъ и національныхъ коллективовъ, которые одержимы мечтой согнать все человеческое стадо въ одну покорную, безличную массу и использовать ее, какъ нѣкую машину или какъ механизированный муравейникъ для какихъ то своихъ цѣлей. Цѣли эти сулятъ обольщаемымъ массамъ всеобщее, равное, сытое довольство на землѣ «безъ королей, капиталистовъ и поповъ», но и безъ Христа. Видѣть въ этихъ интернационалистахъ и антифашистахъ своихъ союзниковъ для христіанъ было бы грубой тактической ошибкой. Церкви имѣютъ достаточно своихъ силъ и основаній, чтобы протестовать противъ извращеній національнаго начала, не разлагая его и не враждуя съ нимъ въ его подлинномъ видѣ. Национальное начало, какъ и начало, индивидуальное и частное, есть святое начало разнообразія и Божьей красоты въ этомъ мірѣ, какъ разнообразна красота цвѣтовъ на полѣ. Церковь имѣла правильный инстинктъ, культивируя гениальное и творческое начало национальной дифференціаціи. Она имѣетъ достаточный критерій и для отмежеванія себя отъ націонализма извращеннаго, не вступая въ союзъ съ духовной пошлостью и тайнымъ человѣконенавистничествомъ безбожныхъ интернационалистовъ.

Положительное отношеніе церкви къ національному началу въ настоящій моментъ диктуется еще и той ролью этого начала, которую оно играетъ въ защитѣ человечества отъ разложенія его солидарности проповѣдью классовой злобы. Будто бы во имя прогресса классовая вражда должна расколоть всѣ націи по особому разрѣзу двухъ борющихся классовъ и разрушить ихъ солидарность, достигаемую въ рамкахъ отдѣльныхъ націй. Какъ ни несовершенна эта національная солидарность классовъ съ точки зрѣнія высшаго идеала христіанской любви, тѣмъ не менѣе эта солидарность есть относительное натуральное благо, которое есть цѣнность для церкви, какъ база ея нравственно преобразующей и воспитывающей обществу дѣятельности. А противоположная ей классовая злоба есть безспорное натуральное зло, съ которымъ невозможно сочетать христіанское начало любви.

Въ практикѣ нашихъ дней для Церкви, по связи съ вопросомъ національнымъ, возникаетъ и другая тактическая проблема, проблема мира, ибо отвѣтственность за войны не безъ основанія вмѣняется конкурирующимъ національнымъ интересамъ. Правда, сейчасъ грозитъ всему міру гораздо большая опасность, чѣмъ войны національныя, а именно опасность войны морально худшей изъ всѣхъ, самой злой, жестокой и

безчеловѣчной, войны классовой. По странному недосмотру почему-то она еще не объявлена «внѣ закона» подобно войнамъ національнымъ. Это было бы справедливѣе. Но безспорно, съ христіанской точки зрѣнія, война есть зло и грѣхъ, съ которымъ Церковь обязана бороться. Здѣсь Церковь, стоящая какъ врачъ у больного сердца націи съ тонкимъ духовнымъ слуховымъ аппаратомъ, должна напрягать всю силу своего сверхчеловѣческаго безстрастія и евангельской чистоты совѣсти, чтобы, въ минуту страстныхъ національныхъ порывовъ къ оружію, своимъ неземнымъ, пророческимъ сужденіемъ и властнымъ голосомъ указать и своему народу и врагу и всему человѣчеству, путь къ высшей справедливости и къ лучшему, благороднѣйшимъ средствамъ ея достиженія чѣмъ желѣзная, а нынѣ и газовая ultima ratio. Это сверхчеловѣчески трудное служеніе церкви. Это одна изъ антиномическихъ задачъ, въ осуществленіи которыхъ нельзя предписать никакихъ шаблонныхъ правилъ. Какъ въ работѣ надъ самимъ собой христіанинъ, не отвергая святыхъ правъ своей личности, долженъ преодолѣть въ себѣ всякій дурной эгоизмъ и преобразить свои страсти самыми сложными и мудрыми приемами духовной борьбы, такъ точно и поведеніе церкви въ признаніи національнаго самоутвержденія должно быть величайшимъ искусствомъ духовной тактики, соединенной съ торжествомъ отрицанія грѣшнаго національнаго эгоизма, часто диктующаго войны. Это не исключаетъ, конечно, права Церкви на признаніе относительной правды отдѣльныхъ войнъ, или превосходства въ относительной правдѣ одной воюющей стороны надъ другой. Тактическая кооперація Церкви съ безрелигіозными пацифистическими движеніями менѣе фальшива и опасна, чѣмъ исключаемая нами кооперація съ интернационализмомъ. Но и здѣсь есть опасность вышеуказаннаго сорта. Ибо часть нынѣшнихъ пацифистовъ открыто, а другая обманно, создаютъ пацифистическій шумъ въ цѣляхъ притупленія интереса къ войнамъ національнымъ для подготовки почвы для войны новой, классовой. Это обманъ коммунизма нашихъ дней. Это одна изъ сѣтей коммунизма, въ которую церквамъ не приличествуетъ быть уловленными.

III.

Въ столь трудной роли, выпадающей на долю церквей въ области національной жизни, имъ приходится усиленно позаботиться о своей максимальной независимости.

с т и , ради усиленія ихъ моральной мощи среди будущихъ міровыхъ бурь.

Римско-католическая система въ этомъ отношеніи обладаетъ нѣкоторыми явными преимуществами надъ протестантской и православною. Хотя и обижаются часто національныя самолюбія народовъ тѣмъ, что ихъ латинскіе пастыри не всѣмъ сердцемъ принадлежатъ къ своимъ націямъ и по временамъ кажутся какими-то измѣнниками своимъ отечествамъ и даже слугами не просто церкви, а историческаго романизма, но въ глубокихъ конфликтахъ современныхъ ставшихъ языческими націонализмовъ съ идеалами церкви, римско-католическая система даетъ драгоцѣнную опору мѣстнымъ церковнымъ борцамъ противъ неевангельскаго язычества въ защиту независимости и достоинства церкви. Это положительное свойство римской системы не связано съ необходимостью съ догматомъ папской непогрѣшимости. Оно мыслимо и внѣ этого догмата, въ канонической системѣ той «церковной монархіи» (если угодно конституціонно ограниченной), которая является закономъ и для восточно-православныхъ церквей. Такія не догматическія, а каноническія, внѣшне-организационныя «монархіи» патріархатовъ, возвышающіяся надъ узкими границами отдѣльныхъ государствъ и національностей, есть практической идеаль нашего времени, когда всѣ силы міра и добрыя и злыя организуются въ міровыя величины и наращиваютъ свою мощь этими сложеніями и умноженіями.

Протестантскія церкви, естественно и дружественно сливающіяся съ жизнью отдѣльныхъ націй, несомнѣнно страдаютъ теперь отъ своей слишкомъ тѣсной связи съ національными государствами. Какое то собраніе ихъ воедино для высвобожденія изъ слишкомъ тѣсныхъ путей мѣстныхъ интересовъ есть задача, долженствующая интересоватъ всѣ церкви, какъ части единого христіанства, которому надлежитъ выдержать борьбу съ новыми формами мірового антихристіанства.

Организационныя задачи православныхъ церквей, съ этой точки зрѣнія, тѣ же самыя, т. е. собраніе разрозненныхъ по мелкимъ національнымъ дробямъ отдѣльныхъ автокефальныхъ церквей, de facto подчиненныхъ и иногда поработанныхъ государству, въ организованные соборныя союзы, могущіе поставить отдѣльныя церкви въ нѣсколько приподнятое положеніе надъ своими націями. Разрозненному православію, особенно въ наше «коммунистическое» и «фашистское» время, не церемонящееся ни съ какою; а въ частности и съ религіозною свободою, надо спѣшно пріобрѣтать нѣкоторую экстерриториаль-

н у ю о п о р у въ своихъ, указанныхъ канонами, большихъ церковныхъ «монархіяхъ» и вселенскихъ соборахъ. Практика соборованія всего православнаго востока, его взаимообщенія и экстериторіальнаго объединенія въ формѣ на первое время хотя бы постоянныхъ междусоборныхъ синодовъ, есть неотложная задача момента, диктуемая въ частности и задачами церкви въ отношеніи къ національной жизни и новыми опасностями, вырастающими на этой почвѣ изъ стихіи языческаго націонализма.

Собираніе въ большіе комплексы отдѣльныхъ вѣроисповѣданій есть только этапъ къ собиранію всего христіанства, всѣхъ церквей не въ безличную и униформную «унію» римскаго имперіалистическаго образца, но въ свободный и автономный въ своихъ частяхъ союзъ кооперирующаго въ защитѣ общихъ основъ евангелія христіанскаго міра противъ слагающихся воедино міровыхъ антихристіанскихъ силъ.

Отъ разсмотрѣнія вопроса въ двухъ плоскостяхъ получается кажущееся противорѣчіе. Съ догматико-мистической точки зрѣнія приходится защищать національное начало отъ пренебреженія имъ со стороны аскетической Церкви, а съ практической точки зрѣнія нужно церковь защищать отъ языческаго націонализма. Примиреніе заключается въ нормальной постановкѣ того и другого начала. Раскрывшая въ полнотѣ свое ученіе Церковь будетъ активнымъ одухотворителемъ національной жизни, а не — извращенный безбожіемъ національный геній останется другомъ и сыномъ Церкви.

А. Карташевъ .

Парижъ. VIII, 1932.